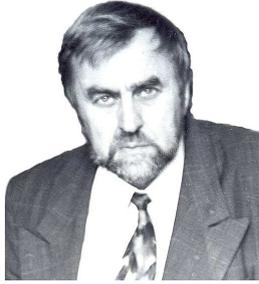

УДК 575 (091)

ГЛАЗКО

Валерий Иванович,
акад. РАН, д-р с.-г. наук, проф., глав.
науч. сотрудник сектора науковедения
ГНСХБ УААН
(г. Киев)

ГЛАЗКО

Татьяна Теодоровна,
д-р с.-х. наук, проф.
(г. Киев)

НОВЫЙ ФЕНОМЕН ПРОЛЕТАРСКОЙ НАУКИ – НАУЧНОЕ КИЛЛЕРСТВО

Рассматриваются некоторые факты из истории становления генетики как науки и лежащие в основе ее формирования научные дискуссии. Обсуждается привлечение властных структур к экспертизе научных проблем как причина, приведшая к гибели выдающегося ученого XX века, Николая Ивановича Вавилова.

Розглядаються деякі факти з історії становлення генетики як науки і наукові дискусії, що покладені в основу її формування. Обговорено залучення владних структур до експертизи наукових проблем як причина, що привела до загибелі видатного ученого XX століття – Миколи Івановича Вавілова.

Some facts are examined from history of becoming of genetics as science and lyings in basis of its forming scientific discussions. Bringing in of imperious structures comes into a question to examination of scientific problems as reason which brought a prominent scientist over of XX age to death, – N. I. Vavilova.

Учитывая связь прогресса в генетике с благополучием нации в сельском хозяйстве и других основополагающих составляющих нации, можно утверждать, что мешать работе таких людей, как Вавилов, равносильно не только национальному самоубийству, но и удару в лицо цивилизации.

Ч.В. Давенпорт, американский генетик

Несмотря на некоторые негативные прогнозы, не снижается активность научных исследований, продолжается рост числа ежегодных научных публикаций. Наука остаётся жизненно необходимой составляющей современной культуры, образования, жизни общества. Ее место было ещё более значительным в предшествующие периоды эволюции человеческой цивилизации, когда она выступала практически монопольным носителем новой информации. Это обстоятельство предопределило значительный интерес к истории науки как в зарубежной историографии (где это направление выступает в качестве самостоятельного), так и в отечественной исследовательской практике.

Во всём мире идёт оживлённая дискуссия о месте науки в современном обществе, её роли в общекультурном процессе и в будущем. Отмечается, что когда тоталитарная власть активно контактирует с наукой, кризис развития науки неизбежен. Научные лидеры, по сути, не формируются, а назначаются властью, причем на первое место выходят, как правило, далеко не профессионалы, а деятели, которые умеют отвечать обещаниями на запросы власти и, в конечном итоге, выталкивают истинных научных лидеров. К чему это приводит, хорошо видно на примере распада СССР: история наглядно свидетельствует о непродуктивности такого пути. После гибели лидера реформ в аграрных науках начала XX века Н.И. Вавилова, государство четыре десятилетия (до 1987 г.) замалчивало его научные достижения, историю его жизни.

XX век стал эпохой глубоких технологических преобразований, затронул практически все области человеческой деятельности. Не стала исключением наука.

В разные времена были учёные, имена которых звучали не только в научной среде, но и далеко за её пределами. Их окружали слава, восхищение их яркими, прекрасно написанными научными трудами и увлекательными докладами. К таким учёным принадлежал и выдающийся генетик, растениевод, географ, создатель современных научных основ селекции, учения о мировых центрах

происхождения культурных растений – академик Николай Иванович Вавилов. Он обладал уникальной способностью стратегического научного мышления и был одним из мировых лидеров науки того времени. Он был одним из первых организаторов и руководителей биологической и с.-х. науки в СССР. Обладая неиссякаемой энергией и легендарной работоспособностью, за свою относительно недолгую жизнь (56 лет) он успел сделать удивительно много: прошел по дорогам и бездорожью пяти континентов (52 стран), сформулировал крупные научные обобщения в области генетики и эволюционного учения. Н.И. Вавилов написал более 10 книг, 500 статей и 40 тысяч писем, провел гигантскую организационную работу по созданию стройной системы учреждений сельскохозяйственной науки (около 400) в такой огромной стране, как СССР. Академик АН СССР (1929; член-корреспондент 1923), академик АН УССР (1929). Президент (1929-35) и вице-президент ВАСХНИЛ (1935-40). В 1926-35г.г. – член ЦИК СССР, в 1927-29 г.г. – член ВЦИК, принимал активное участие в организации Всесоюзных сельскохозяйственных выставок с 1923 по 1939 годов. С 1931 по 1940 (до ареста) Вавилов — президент Всесоюзного географического общества и член многих зарубежных научных обществ.

Вавилов дважды спас страну от голода. В первый раз – сам, после коллективизации (изъятия хлеба – семенного запаса), когда была разрушена вся система сортоведения (сорта остались только во Всесоюзном институте растениеводства – ВИР, который Н.И. Вавилов создал и которым много лет руководил). Второй раз – уже после его смерти, во время второй мировой войны, когда его сотрудники ценою собственной жизни спасли его коллекцию, послужившую основой посевных кампаний. Коллекция Н.И. Вавилова и по настоящее время служит источником сохранения биоразнообразия растительных мировых ресурсов. До XXI века по уникальности ей не было аналогов.

Несмотря на многоплановость научных интересов, Н.И. Вавилов, как ученый, оказался успешным во многих направлениях своих исследований, достиг

вершин, значимость которых постепенно начинает осознаваться только в нашем веке. Удивительная жизнестойкость ученого, бодрость, презрение к невзгодам, глубокая преданность науке, поглощавшая все интересы, помогали ему в переполненные драматическими событиями годы начала и середины прошлого века.

Н.И. Вавилов был выдающейся личностью. Ученый, который посвятил свою жизнь высокой цели спасения человечества от голода, умер от недоедания в тюрьме будучи политзаключенным. Создав и возглавив в 20-х годах прошедшего века Всесоюзный институт растениеводства (ВИР), Н.И. Вавилов разработал его научную структуру, научную программу исследований, провозгласил его главным заданием повышение урожайности всех видов сельскохозяйственных культур для блага человечества. Этому способствовали многие научные разработки Н.И. Вавилова, в частности, закон гомологической изменчивости в материале наследственности, позволявший направленно искать и вводить в селекционную работу признаки диких растительных форм, полезные для культурных растений. Н.И. Вавилову удалось (в более чем 50 странах) выявить диких предков многих культурных растений, создать учение о центрах происхождения культурных растений, а ВИР получил 250 тысяч образцов – или наибольшую на планете коллекцию мировых растительных ресурсов, оцененную Всемирным банком впоследствии в 7 трлн. долларов, которую и в настоящее время селекционеры всего мира используют для выведения новых сортов (только в России, на основании Вавиловской коллекции, выведено более 1600 сортов растений).

Выдающиеся достижения Н.И. Вавилова рассматриваются во многих исследованиях. Его имя постоянно присутствует в отечественных и зарубежных работах, в которых выполняется анализ путей возникновения и распространения культурных растений, самой аграрной цивилизации, иммунитета растений, генетических основ селекции, важности организации банков мировых растительных ресурсов и их использования. Научные успехи и его вклад в

реформирование отечественного сельского хозяйства уже давно не нуждаются в особых доказательствах.

Тем не менее, до сих пор, через 65 лет после его гибели, некоторые представители общественных и научных организаций продолжают выдвигать и обосновывать такую простую, но странную мысль – все было правильно, в условиях того времени нужно было, чтобы Н.И. Вавилов погиб. Аргумент – в условиях экономического кризиса страна не могла содержать научные структуры, которые не приносили немедленной экономической отдачи. Особенно активно такие высказывания обнаруживаются в материалах сайта Коммунистической партии Российской Федерации, в разделе «наука и образование» (http://www.kprf.org/showthread-t_510.html).

Интересная деталь – мишенями обвинений становятся все, кто так или иначе способствует сохранению памяти Н.И. Вавилова, преемственности накопленного им опыта. Прошло существенно больше полувека, однако оказывается, что экономическая эффективность деятельности академика Н.И. Вавилова и вопрос о причастности к его гибели Т.Д. Лысенко, сменившего арестованного Николая Ивановича на посту директора Института общей генетики, до сих пор остаются актуальными для достаточно большого количества людей.

Хотелось бы обратить внимание на то, чем же отличались исходные научные позиции у сторонников Н.И. Вавилова и Т.Д. Лысенко. В основном тем, что Н.И. Вавилов полагал, что изменчивость контролируется факторами наследственности, которые, в том числе, определяют и границы нормы реакции признака на воздействия окружающей среды. Т.Д. Лысенко считал, что ведущий вклад в изменчивость живых организмов вносят особенности средовых условий в которых они развиваются. Существенно меняя эти условия можно получать, в конечном итоге, кардинально отличные формы. Говоря другими словами, в отличие от Н.И. Вавилова, Т.Д. Лысенко полагал, что в селекционной работе главным является контроль и изменения средовых факторов.

Особенностью этого противостояния было только то, что Н.И. Вавилов и не отрицал, и не противопоставлял генетическую и средовую компоненты изменчивости, полагая, что их взаимодействие в проявлении признаков настолько очевидно, что не может являться предметом дискуссии. А Т.Д. Лысенко достаточно агрессивно отрицал роль генетики. Но было ли новым такое противостояние в истории генетики? Конечно, нет.

Изначально такое противоречие возникло в связи с опубликованной работой Чарльза Дарвина, «Происхождение видов» [1], которая достаточно быстро была переведена на множество языков и до сих пор входит в фундамент современной биологии. В России этот фундаментальный труд стал доступен благодаря усилиям К.А. Тимирязева. Впервые К.А. Тимирязев опубликовал монографию на русском языке о работах Ч. Дарвина «Ч. Дарвин и его учение» в 1883 г.; в 1890 г. вышла его книга «Ч. Дарвин как тип ученого» в Болгарии, на болгарском языке [2]. В 1896 г. К.А. Тимирязев принимает участие в переводе и редактировании собраний сочинения Дарвина и пишет к этому изданию предисловие «Значение переворота, произведенного в современном естествознании Ч. Дарвином» [2].

Одним из существенных положений теории происхождения видов Ч. Дарвина было утверждение о том, что видообразование является следствием накопления мельчайших отклонений, непрерывной изменчивости, которая каким-то образом приводит к дискретности видов.

В 1900 году логика развития науки привела к вторичному открытию законов Менделя. Одним из исследователей, внесших существенный вклад в создание основ современной генетики, был В. Бэтсон [3, 4]. Он организовал перевод работы Менделя на английский язык, а в марте 1902 года опубликовал книгу «Менделевские основы наследственности», которой дал подзаголовок: «В защиту менделизма».

Работая с гибридами, В. Бэтсон пришел к менделевскому выводу о том, что факторы наследственности дискретны и у гибридов, как правило, одни признаки доминируют над другими.

Тем не менее, было очевидно, что представление о дискретности факторов наследственности на этом этапе развития генетики не может объяснить различные варианты наследственности, их связей с формообразованием.

Блестяще критиковал работы В. Бэтсона К.А. Тимирязев в 1916 г. в своей статье «Из летописи науки за ужасный год» [5]. Именно он показал недостаточность утверждения о дискретности факторов наследственности для объяснения всех сложных основ наблюдаемой изменчивости и очень четко сформулировал положение о том, что для введения в эволюционные представления дискретных единиц наследственности, строго говоря, необходимы подробные знания их отношений к биохимическим и физиологическим процессам, лежащим в основе формирования каждого отдельного признака, менделевское расщепление которого мы наблюдаем, а у других признаков – не наблюдаем. Именно он, по сути, в своих возражениях против экстраполяции менделевских закономерностей расщепления признаков в потомстве на все разнообразие изменчивости разных признаков, заложил некую «рамочную программу» исследований собственно функционального значения элементарной единицы материала наследственности, как говорили в то время.

После выхода первой публикации Н.И. Вавилова, в которой он излагал закон гомологических рядов в наследственной изменчивости в 1921 г. [6, 7], его работа была раскритикована Ю.А. Филипченко [8, 9], в основном, по двум вопросам: феномен параллелизма в изменчивости был описан многими авторами, в частности, в работе немецкого генетика Э. Баура (1919), где говорится о существовании «гомологических рядов мутаций у животных и растений»; параллелизм сложен по своей природе и объединяет ряд феноменов, в основе которых лежат разные механизмы. В окончательной редакции своего труда

Н.И. Вавилов полностью принимает замечание Филипченко о необходимости различения фенотипической и генотипической изменчивости, введя соответствующий раздел [7].

На этом примере отчетливо видно, как возникали противоречия между иногда избыточной формализацией представлений об основах фенотипической изменчивости и большим количеством наблюдений, которые не укладывались в рамки созданной модели. Обычное противоречие между «формалистами» и «деталистами», естественная основа развития любой научной области.

Хорошо известна дискуссия между отечественными животноводами. Пропаганда метизации как основного средства улучшения отечественных пород сельскохозяйственных видов животных, увлекла многих русских зоотехников, которые долгие годы делились на «метизаторов» и «патриотов». Ярким представителем «патриотов» был Илья Никитич Чернопятов, которому принадлежит один из первых подробных курсов общего животноводства – отдел «Скотоводство» (532 стр.) в «Настольной книге русских сельских хозяев» (СПб, 1876), охватывающий основы разведения, кормления (с подробными очерками о питании животных), птицеводства, рыбоводства и пчеловодства. Он крайне скептически относится к улучшению отечественных пород выписным скотом: «Способ улучшения породы в себе следует признать наиболее рациональным и соответствующим современным требованиям самих крестьян, состоянию выгонов и пастбищ и средствам продовольствия в зимнее время». Ряд европейских стран, стоявших более высоко в промышленном отношении, имел хорошо специализированные породы, приспособленные к интенсивному ведению животноводства и земледелия. Завозившиеся в Россию иностранные породы попадали в экстенсивные условия содержания, что приводило к еще более низким показателям их продуктивности, чем при разведении местных пород. Прав был проф. И.Н. Чернопятов, когда говорил, что ни одна иностранная порода скота не

перешла русской границы, не потеряв при этом 50% своих продуктивных качеств (цитируется по [10]).

Представителем «метизаторов» был выдающийся эмбриолог, академик Александр Федорович Миддендорф. Широкой известностью пользовались изданные в 1872 г. его публичные лекции по скотоводству «О способах улучшения нашего скотоводства» в которых автор показал себя страстным поклонником улучшения русского скотоводства выписными иностранными породами. К этому его привели, с одной стороны, общеизвестные факты низкой эффективности русского скотоводства, с другой – относительно неплохие успехи подъема скотоводства у помещиков в Остзейских провинциях (одним из которых он был сам), основывавшихся на завозе голландского скота и скрещивании с ним местных животных. А.Ф. Миддендорф в крайне резкой форме высказывал свое мнение о безнадежности и «бесперспективности улучшения местного скота подбором в себе». Известна его крылатая фраза о том, что единственное, как можно использовать местный российский скот – это «взять нож и вырезать его» (цитируется по [10]).

То есть, в зоотехнии дискуссия о преимущественном вкладе в желательную продуктивность либо факторов окружающей среды, либо материала наследственности, велась очень интенсивно и, естественно, делила сторонников разных точек зрения на лагеря оппонентов. Важно, что в конечном итоге это противостояние традиционно обогащало друг друга, вело к развитию и углублению представлений и методик исследования и тех и других. Понятно, что оно сопровождалось большим количеством эмоций, взаимными недобрительными высказываниями и межличностными конфликтами, но не приводило к убийствам.

Невозможно было себе представить, что кто-то мог бы обвинить А.Ф. Миддендорфа в шпионаже для другой страны и попытке развалить сельское хозяйство России за то, что он был сторонником метизации местного скота

племенными животными зарубежной селекции. Как бы ни обвинял К.А. Тимирязев «мендельянцев» в «самохвальстве», пренебрежении к экспериментальным данным, поверхностности суждений, неоправданным попыткам из частного случая вывести и объяснить весь огромный накопленный материал об изменчивости, он не отбрасывал того ценного, что излагалось сторонниками В. Бэтсона [5]. И это – самое важное.

Приведенные примеры противостояния между «формалистами» и «деталистами» в области изучения механизмов возникновения и поддержания внутри- и межвидовой изменчивости свидетельствуют о том, что в развитии генетики и эволюционной теории, научных основ селекционной работы оно имеет более чем столетнюю историю и соответствует естественному процессу развития любой научной области.

В чем же дело, почему такое традиционное противостояние, имевшее до этого достаточно длинную историю, и бывшее таким плодотворным, вдруг привело к таким трагическим последствиям в середине 20 века в России?

Причин было несколько. Первая, и, наверное, одна из самых важных – к решению научных споров начали привлекаться властные структуры. Научная правда и состоятельность заключений, прогнозов и предложений стали определяться по их соответствию пожеланиям и настроениям властных структур, по «социальной близости» к ним ученых. Вторая причина – возникновение «пролетарской» науки, в противовес буржуазной, введение идеологии в научный поиск.

Властные структуры взяли на себя ответственность научной экспертизы ученых, научных подразделений и определения судеб развития отдельных научных направлений. Само по себе это неизбежно должно было привести к нарушению естественного хода развития научных исследований, который имеет свои внутренние законы и свою специфическую логику, плохо поддающуюся прогнозу, и, тем более, управлению. Кроме того, это создавало условия для

монополизации одной точки зрения, что исключало дискуссию и, значит, дальнейшее развитие.

Третья причина, как ни странно, по-видимому, могла быть связана с самой дарвиновской теорией видообразования, распространение которой имело огромное социальное значение, когда правота определялась «выживанием наиболее приспособленных». Отражение этого общего убеждения можно найти в том же интервью с бывшим народным комиссаром (министром) земледелия СССР И.А. Бенедиктовым, в котором он вспоминает: « ... В научной полемике, которая разгорелась в 30-х гг., Лысенко и его сторонники продемонстрировали куда больше бойцовских качеств, твердости, настойчивости, принципиальности. Вавилов же, как признавали даже его единомышленники, лавировал, сдавал одну позицию за другой, старался сохранить хорошие отношения и с "вашими и с нашими", что у меня, например, всегда вызывало раздражение и недоверие – значит, не уверен в своей позиции, боится ответственности...». Из этого высказывания видно, что правота определялась, прежде всего, бойцовскими качествами.

В настоящее время именно благодаря развитию молекулярной генетики стала особенно понятна глубина положения Ч. Дарвина о важности естественного отбора в поддержании изменчивости, в преимущественном размножении организмов, наиболее приспособленных к конкретным средовым условиям. Оказалось, что вся эволюция живых организмов основана на успешности симбиоза: наиболее приспособленные обязательно и наиболее успешные симбионты. Это хорошо соответствует знаменитой работе 1907 г. П.А. Кропоткина "Взаимная помощь как фактор эволюции" [11].

Таким образом, главным фактором гибели Н.И. Вавилова стало то, что властные структуры взяли на себя полномочия определения вредности или пользы научных работ и самих ученых. Его и осудили не потому, что он был генетиком и эволюционистом. Ну и доносы лысенковцев помогли. В результате Н.И. Вавилов

обвинялся по четырем пунктам 58-й статьи из главы «Преступления государственные» Уголовного кодекса РСФСР.

Известно, что много лет Т.Д. Лысенко и его сторонники полагали, что все документы, свидетельствующие об участии Т.Д. Лысенко в травле Н.И. Вавилова, уничтожены. Оказалось, что это не так. Обнаружены не только косвенные документы (такие, как назначение комиссии для проверки антисоветской деятельности Н.И. Вавилова), но даже документы с его подписью, показывающие прямое участие Т.Д. Лысенко в травле и аресте Н.И. Вавилова. Эти документы приводит в своей книге сын Н.И. Вавилова, Юрий Николаевич Вавилов. Он впервые проанализировал и ввёл в научный оборот значительный массив неопубликованных документов, хранящихся в центральном Архиве ФСБ России [12 – 16].

Майор юстиции Н.И. Колесников, помощник Главного военного прокурора СССР, провел громадную работу по посмертной реабилитации Вавилова. Его работой и его мужеством нужно восхищаться. Летом 1955 г., несмотря на высокие ранги Т.Д. Лысенко, он вызвал академика для допроса как свидетеля по делу Н.И. Вавилова в Главную военную прокуратуру СССР (ГВП). Лысенко отказался явиться на допрос в ГВП, пользуясь своим высоким положением депутата Верховного совета СССР, Президента ВАСХНИЛ, академика и члена Президиума АН СССР. Он ограничился письмом в Главную военную прокуратуру СССР, в котором заявил, что не причастен к аресту Н.И. Вавилова, что у него с Вавиловым были чисто научные расхождения.

В июне 1939 года И.И. Презент написал докладную записку Председателю Совета Народных комиссаров В.М. Молотову, одобренную Лысенко (в письме есть подпись Лысенко после слов: «с текстом письма согласен» [13, 14]. Это письмо было посвящено ситуации с седьмым Международным генетическим конгрессом, который первоначально предполагалось проводить в СССР. Это письмо включало в себя донос на Н.И. Вавилова с обвинением его во враждебных

антисоветских действиях. В письме, в частности, было написано: «<...> Хору капиталистических шавок от генетики в последнее время начали подпевать и наши отечественные морганисты. Вавилов в ряде публичных выступлений заявляет, что «мы пойдем на костер», изображая дело так, будто бы в нашей стране возрождены времена Галилея». И далее пишет Презент: «Поведение Вавилова и его группы приобрело в последнее время совершенно нетерпимый характер». « ... Вавилов и Вавиловцы в последнее время окончательно распоясались и нельзя не сделать вывода, что они постараются использовать международный генетический конгресс для укрепления своих позиций и положения.

Вавилов в последнее время делает все для того, чтобы изобразить, что в нашей стране происходит гонение на науку.

... В настоящее время подготовка к нашему участию в конгрессе находится целиком в руках Вавилова и это далее никоим образом нельзя терпеть. Если судить по той агрессивности, с которой в последнее время выступает Вавилов и его единомышленники, то не исключена возможность своеобразной политической демонстрации «в защиту науки» против ее «притеснения» в Советской стране. Конгресс может стать средством борьбы против поворота нашей советской науки к практике, к нуждам социалистического производства, средством борьбы против передовой науки».

Юрий Николаевич Вавилов [16] пишет: «Как видно, в записке Презента–Лысенко фактически содержится обвинение Н.И. Вавилова в антисоветизме, во враждебности советскому социалистическому строю, что само по себе явилось вполне достаточным поводом для ареста Н.И., даже без обвинений моего отца в других измышленных НКВД грехах, например, в членстве в антисоветской трудовой крестьянской партии (никогда не существовавшей, Ю.В.), вредительстве в семеноводстве и т.д.

16 июля 1939 г. Л. Берия, нарком внутренних дел, наверняка зная о письме

Презента–Лысенко В. Молотову, направил Молотову записку, в которой сообщал, что НКВД рассмотрел материал о том, что после назначения Лысенко Президентом Академии сельскохозяйственных наук Н.И. Вавилов и возглавляемая им буржуазная школа так называемой «формальной генетики» организовала систематическую кампанию с целью дискредитировать Лысенко как ученого и просил дать санкцию на арест Н.И. Вавилова». Эта санкция последовала в следующем, 1940 году. Очевидно, НКВД потребовалось некоторое время для окончательной формулировки обоснования ареста Вавилова.

Лысенко умер в своей постели. Сын Вавилова Юрий Николаевич пишет: «От ряда ученых я знал, что Лысенко после реабилитации моего отца, особенно в последние годы жизни (он умер в 1976 году), часто повторял: «Я не убивал Вавилова». Таким образом, Лысенко хотел оправдать себя, зная о широко распространенном общественном мнении о причастности его к аресту Вавилова. Приведенные выше обвинения Н.И. Вавилова Презентом–Лысенко, содержащиеся в ранее неизвестном письме (фактически доносе) Презента–Лысенко Молотову, полностью опровергают мнение об отсутствии свидетельств о прямой причастности Т. Лысенко к аресту Н.И. Вавилова» [13 – 16].

Известно, что Н.С. Хрущев очень сильно поддерживал Т. Лысенко в течение значительного периода будучи Первым секретарём ЦК КПСС. В связи с этим, стремясь угодить Н. Хрущеву, председатель КГБ В. Семичастный направил ему в сентябре 1964 года секретное письмо, в котором фактически поставил под сомнение мнение многих ученых, в том числе и такого выдающегося ученого как академик Д.Н. Прянишников, о том, что «в смерти Н.И. Вавилова повинен академик Т.Д. Лысенко». Текст письма В. Семичастного Н. Хрущеву приводится в книге Ю.Н. Вавилова.

Следует подчеркнуть, что о ведущей роли Т. Лысенко в расправе над своим главным оппонентом Н.И. Вавиловым и его ближайшими соратниками, к сожалению, мало кто знает в России и, тем более, за рубежом. Т. Лысенко и люди

из его ближайшего окружения, прежде всего И. Презент, пытались скрыть следы своих преступных действий против Н.И. Вавилова в течение нескольких лет, предшествующих его аресту в августе 1940 года.

Известно (см. книгу Ю.Н. Вавилова «В долгом поиске»), что в октябре 1964 года, после освобождения Н.С. Хрущёва, сильно поддерживавшего Лысенко, с поста Первого секретаря ЦК КПСС, И. Презент и другие лысенковцы уничтожили в архиве ВАСХНИЛ большое число документов, подтверждающих травлю Н.И. Вавилова Трофимовым, Лысенко и Презентом. Прежде всего была уничтожена копия письма (доноса) Презента – Лысенко на имя В.М. Молотова, второго лица в государстве после Сталина. Выдержки из этого письма приведены выше. К счастью, подлинник письма Презента – Лысенко Молотову сохранился в государственном архиве Российской Федерации.

О факте уничтожения в конце 1964 года в архиве ВАСХНИЛ документов, компрометирующих Лысенко, пишет Ю.Н. Вавилов, о чем он и директор Института истории естествознания и техники Микулинский, сообщали члену политбюро ЦК КПСС, главному идеологу послевоенного СССР, М. Сулову. Но Т. Лысенко и его сообщники остались безнаказанными.

При исследовании современного массива документов о Н.И. Вавилове становится очевидным, что этот человек был эталоном поведения в сложных, иногда не совместимых с жизнью условиях, образцом государственного мышления, носителем морального кодекса интеллигента – человека бесстрашного и бескомпромиссного, глубоко порядочного во всех проявлениях. Поражает тот факт, что, несмотря на тяжелые допросы и пытки, Н.И. Вавилов никого не оговаривает, не предает. Все бессмысленные, «антигосударственные» обвинения он переводит на себя, огораживая своих сотрудников от ложных обвинений...

И это несмотря на пытки, угрозы, 18 часовые допросы, их более 250 (сам Н.И. Вавилов, в письме к Берия упоминает более 400). И это несмотря на то, что практически все допрашиваемые по делу государственного преступника

Н.И. Вавилова признавались во всём, в чем угодно, только бы прекратить свои мучения, допросы с пристрастием, эту реальность...

Как ведет себя Н.И. Вавилов? В этом отношении интересна его стратегия и тактика на допросах. Взяв на себя весьма незначительную долю вины, которую ему приписывали (от которой Вавилов потом отказался), Вавилов делает тонкий ход. Он сумеет сделать главное – выиграть время. Он надеется... Он сумеет написать книги в тюрьме... Не его вина, что книги были сожжены... Он не знает, что его участь предрешена Сталиным. У него была тактика, которая позволяла ему и в дальнейшем осмысленно вести игру со следователем, по существу, на равных, варьируя свои показания. В определенной мере это устраивало и следователей, так как частичное признание позволяло рапортовать начальству об успехе и продолжать заставлять его признать все выдвинутые против него обвинения. Они прекрасно понимали, что на основе сделанных «признаний» нельзя подвести Вавилова под расстрел. Но статьи, по которым обвинялся Н.И. Вавилов, были все «расстрельные». Это говорит о том, что его участь и судьба была предрешена.

Вавилов обвинялся по четырем пунктам 58-й статьи – 1 а, 7, 9, и 11.58-я статья входила в главу «Преступления государственные» Уголовного кодекса РСФСР. Имеет смысл привести полностью текст пунктов обвинения и таким образом дать представление о том, что инкриминировалось академику:

пункт 1а: **«Измена родине.** Измена родине, т. е. действия, совершенные гражданами Союза ССР в ущерб военной мощи Союза ССР, его государственной независимости или неприкосновенности его территории, как-то: шпионаж, выдача военной или государственной тайны, переход на сторону врага, бегство или перелет за границу»;

пункт 7: **«Вредительство.** Подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения или кредитной системы, а равно кооперации, совершенный в контрреволюционных целях путем соответствующего использования государственных учреждений и предприятий или противодействия их нормальной деятельности, а равно использование государственных учреждений и предприятий или противодействие их

деятельности, совершаемое в интересах бывших собственников или заинтересованных капиталистических организаций»;

пункт 9: «**Диверсия.** Разрушение или повреждение с контрреволюционной целью взрывом, поджогом или другими способами железнодорожных или иных путей и средств сообщения средств народной связи, водопровода, общественных складов и иных сооружений или государственного или общественного имущества»;

пункт 11: «**Участие в контрреволюционной организации.** Всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений, а равно участие в организации, образованной для подготовки или совершения одного из преступлений, предусмотренных настоящей главой».

Вавилов решительно опровергал все обвинения. «Категорически заявляю, что шпионажем и другой какой-либо антисоветской деятельностью не занимался», — записано в протоколе допроса от 12 августа. При этом он сразу же определил круг людей, опорочивших его из-за разногласий «в научной и служебной работе». Эту точку зрения он энергично защищал и в последующие дни. С соответствующим письмом он обратился в это время к Берия (после предъявления ему обвинений по 4 пунктам 58 статьи). В апреле 1942 г. он писал: «Перед лицом смерти, как гр-н СССР и как научный работник, считаю долгом перед родиной заявить, как уже написал Вам в августе 1940 г., вскоре после ареста, что я никогда не изменял своей Родине и ни в помыслах, ни делом непричастен к каким-либо формам шпионской работы в пользу других государств. Я никогда не занимался контрреволюционной деятельностью, посвятив себя всецело научной работе»...

Но его участь уже предрешена и ниже приводится ряд документов из дела Н.И. Вавилова, из которых с очевидностью следует безнадежность любых оправданий.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО.

МЕМОРАНДУМ

Период 1924—1936 гг. Возникновение к/р группировки и характер к/р деятельности.

После ликвидации к/р организаций в с/хозяйстве СССР, неликвидированные к/р кадры специалистов и профессуры с/х сплотились вокруг самого крупного в Союзе научно-

исследовательского института по с/хозяйству — **ВСЕСОЮЗНОГО ИНСТИТУТА РАСТЕНИЕВОДСТВА**, насчитывающего в своем составе около 50% социально и политически чуждых людей и возглавляемого академиком **ВАВИЛОВЫМ Н. И.**, являвшимся в то время президентом Всесоюзной с/х Академии им. Ленина, ныне директор ВИР'а.

Антисоветская группа **ВАВИЛОВА**, сложившаяся в Ленинграде примерно в 1924—1925 гг., мало пострадавшая при ликвидации «ТКП» и др. а/с организаций в с/х (2—3 незначительных ареста из общего количества 600 сотрудников в Ленинграде), имеющая в своих рядах крупнейших специалистов по вопросам агротехники и селекции, приобрела исключительно влиятельное значение в руководящих советских и партийных органах по вопросам планирования, руководства и развития ряда отраслей с/хозяйства:

- а) селекции и семеноводства в стране;
- б) хлопководства в новых районах;
- в) по вопросам каучуконосов;
- г) районирования и специализации с/х;
- д) проблемы кормовых и технических культур;
- е) развития кукурузы, сои, пшеницы;
- ж) составления плана второй пятилетки по с/х и т. д.

Это влияние группировка **ВАВИЛОВА**, консолидирующая с к/р кадрами с/х специалистов в Москве (группа **ПРЯНИШНИКОВА**, **ДОМРАЧЕВ**, **ЛИСИЦЫН**, **ЛОРХ**, группа животноводов **ЛИСКУНА**), в УССР (академики **СОКОЛОВСКИЙ**, **САПЕГИН**, профессор **РОЖДЕСТВЕНСКИЙ** и др.), в Саратове (**ТУЛАЙКОВ** и **МЕЙСТЕР**), на Северном Кавказе (**БОРДАКОВ**) — использовала в своих вредительских целях. А/с группа **ВАВИЛОВА** не использовала богатейшие мировые ресурсы с/х культур, имеющиеся в ВИР'е, умышленно не принимала участия в соц. реконструкции, боролась против реконструктивных планов развития зерновых технических и кормовых культур, срывала семеноводческую работу и вела борьбу против колхозов и совхозов.

Свою антисоветскую работу **ВАВИЛОВ** связывает с интересами капиталистических государств — Англии, США и Германии. [...]

Первые указания на группировку **ВАВИЛОВА** были получены 11 марта 1930 г. от арестованного ЭКУ ГПУ УССР—**ДИБОЛЬДА Г. Г.**, одного из руководителей к/р организации в с/х УССР. В своих показаниях «О московских агрономических группировках и их вредительской деятельности» **ДИБОЛЬД**, указывая на к/р «группы опытников» (**ДОЯРЕНКО**, **ЛЕВИЦКИЙ** и др.), писал:

«К ним близко примыкали и работники института Прикладной Ботаники (ныне ВИР — наше прим.) **ПИСАРЕВ**, **ТАЛАНОВ**, **КУЛЕШОВ**, **ЧИНГО-ЧИНГАС**, **БУКАСОВ** и др. Все они были определенно оппозиционно настроены, как в отношении целевых установок октября, так и в отношении Соввласти...»

В декабре 1930 г. ЭКУ ОГПУ [...] было установлено, что группа старых специалистов НКЗема РСФСР, Всесоюзной с/х Академии, Научно-Исследовательского Института по хлопководству и Всесоюзного Института Растениеводства ведет борьбу против разведения хлопководства в новых районах и что эта а/с работа возглавляется академиком **Н. И. ВАВИЛОВЫМ**, поддерживавшим ташкентских вредителей — **ЗАЙЦЕВА**, **ЮФЕРОВА** и др.

В декабре м-це 1930 г. б. ЭКО ПП ОГПУ ЛВО [...] получило сведения о наличии антисоветской группировки во Всесоюзном Институте Растениеводства, во главе с **ВАВИЛОВЫМ**, **ПИСАРЕВЫМ**, **ТАЛАНОВЫМ** и др. [...]

В начале апреля 1931 г. было получено новое подтверждение существования к/р группировки **ВАВИЛОВА**.

В письме № 5766 с/к от 29/III-1931 г. ЭКО ЗАК ГПУ сообщило:

«...Как видно из показаний признавшихся во вредительстве и в участии в к/р организации «ТКП» — АГАПОВА и НОСАЧЕВА, Абхазский филиал «ТКП», несмотря на арест Союзного центра «ТКП», почти до самого последнего времени, поддерживал связь с Москвой... пользуясь в области вредительства и подготовки к интервенции директивами центра... полевода ТАЛАНОВА...»

В том же году, после ареста участников «ТКП» было установлено тесное соприкосновение группы ВАВИЛОВА с арестованными деятелями «ТКП» и совместная кулуарная подготовка Всесоюзного опытного съезда в конце 1929 г., не состоявшегося ввиду начавшихся арестов, в руководство съезда намечались — СОКРАТ ЧАЯНОВ, САЗАНОВ (арестованы по «ТКП»), ВАВИЛОВ и ВОЛЬФ. [...]

Состав а/с группы ВАВИЛОВА.

1. ВАВИЛОВ Николай Иванович — 1887 года рождения, ур. г. Москвы, происходит из крупной купеческой семьи. Академик. Директор ВИР'а. Прож.—Ленинград, ул. Гоголя д.2 кв.13. Беспартийный.

2. ГОВОРОВ Леонид Ипатьевич — 1885 года рождения, ур. Слобода Дарьевка, Таганрогского района, Донской области, из семьи псаломщика. Зав. Отделом бобовых культур. Доктор биологических наук. Ленинград, Мойка д.66/2 кв.21. Беспартийный.

3. КАРПЕЧЕНКО Георгий Дмитриевич — 1899 года рождения, ур. г. Вельск, Вологодской обл., из дворян, зав. отделом генетики, профессор. Прож. — гор, Пушкино, ул. Глинки д. 10. Беспартийный.

4. ФЛЯКСБЕРГЕР Константин Андреевич — 1880 года рождения, ур. г. Гродно (Польша), из семьи чиновника, Всесоюзный Институт Растениеводства, профессор. Проживает — Ленинград, ул. Герцена д.44 кв.26.

5. ЛЕВИТСКИЙ Григорий Андреевич — 1878 года рождения, ур. с. Белка, Киевской обл., ВИР — профессор. Гор. Пушкино, Слуцкое шоссе 13. Беспартийный. В 1933 году привлекался по делу «ЗАГОВОР», как участник эсеровской народнической организации.

6. БУКАСОВ Сергей Михайлович — 1891 года рождения, ур. дер. Н. Кени, Обоянского р-на, Курской обл., из семьи потомственного почетного гражданина, ВИР—ученый специалист, беспартийный.

7. ГРУМ-ГРЖИМАЙЛО Алексей Григорьевич — 1894 года рождения, из дворян, ур. г. Ленинграда. В 1925 г. привлекался по делу к/р монархической организации «ЛИЦЕЙСТЫ», научный сотрудник бюро географии с/х культур ВИР'а, беспартийный.

8. БАЗИЛЕВСКАЯ Нина Александровна — 1902 года рождения, ур. г. Москвы, из дворян, отец полковник царской армии, ВИР — научный сотрудник, беспартийная.

9. ПАНГАЛО Константин Иванович — 1883 года рождения, ур. гор. Харькова, из почетных потомственных граждан, б. Греческий подданный. В Греции имеет родственников, занимающих видные государственные посты. Ученый специалист ВИР'а, беспартийный.

10. ЖЕРЕБИНА Зинаида Николаевна — 1895 года рождения, ур. д. Узян, Узянской вол., Верхне-Уральского уезда, Оренбургской губ., из потомственных почетных граждан, служила в белых правительственных учреждениях, ученый специалист ВИР'а, беспартийная.

11. СИНСКАЯ Евгения Николаевна — 1892 года рождения, ур. г. Пскова, из мещан, ученый специалист ВИР'а, беспартийная.

12. РОЗАНОВА Мария Александровна — 1885 года рождения, ур. г. Москвы, из дворян, ученый специалист ВИР'а, беспартийная.

13. ВУЛЬФ Евгений Владимирович — 1885 года рождения, ур. г. Симферополя, из потомственных почетных граждан, ученый специалист ВИР'а, беспартийный.

14. КОЖУХОВ Иван Васильевич — 1889 года рождения, ур. г. Валач, Воронежской обл., из мещан, ассистент ВИР'а, беспартийный.

15.КОРОЛЕВА-ПАВЛОВА Валентина Алексеевна — 1898 года рождения, ур. г. Ревель (Эстония), из семьи служащего, ст. научный сотрудник ВИР'а, беспартийная.

16.КОВАЛЕВСКИЙ Георгий Владимирович — 1905 года рождения, ур. г. Ленинграда, из дворян, ученый секретарь ВИР'а, беспартийный.

17.КИЧУНОВ Николай Иванович — 1863 года рождения, ур. г. Пуга, из мещан, беспартийный, ученый специалист ВИР'а.

18.МАЛЫЦЕВ Александр Иванович — 1879 года рождения, ур. с. Чернянки, Курской губ., Н. Сокольского уезда, сын попа, зав.отделом сорных растений ВИР'а, беспартийный.

19.ПОПОВА Галя Михайловна — 1895 года рождения, ур. зав. Нытва, Пермской губ., происхожд. не установлено, зав. Группой масличных ВИР'а, беспартийная.

20.ЛУСС Андрей Иванович — 1899 года рождения, из крестьян Витебской губ., Невельского уезда, Кубецкой вол., имение Григорово, член ВКП(б), научный сотрудник ВИР'а.

21.ВЕНЦЛАВОВИЧ-АЛЕКСЕЕВА Флориана Станиславовна — 1904 года рождения, из дворян, муж осужден за а/с троцкистскую деятельность, научный сотрудник ВИР'а, беспартийная.

22.ГУСЕВ Павел Павлович — 1884 года рождения, ур. д. Сидоровская, Кадниковского уезда, Вологодской губ., ученый секретарь Всесоюзного Института Растениеводства, беспартийный.

24. ИВАНОВ Николай Николаевич — 1884 года рождения, ур. г. Гатчино (ныне Красногвардейск), из дворян, профессор ВИР'а.

Его научное имя весьма сомнительной ценности. Известность его за границей приобретена не без содействия к/р кругов за кордоном.

Этот момент связывался [...] с рядом указаний на то, что ВАВИЛОВ является агентом английской контрразведки, помогавшей ему сколотить научное имя за границей, дабы тем самым предохранить его от ГПУ...» (сообщение НКВД УССР).

Близость ВАВИЛОВА к англо-американским кругам в тех или иных формах фиксируется рядом существенных указаний в материалах разработки.

В узком кругу группировки обычными являются беседы на антисоветские темы— о кризисе Советской власти, о гибельности коллективизации, об изменении политического курса и т. д. [...]

Однако, эта враждебность тщательно скрыта от посторонних.

Приспособленчество, двурушничество, умелое скрытие убеждений и взглядов — стали основными маскирующими средствами к/р работы.

.....

Деятельность а/с группировки в период конца 1938 и начала 1939 г.

После разгрома «ТКП» в 1930—1931 гг. и право-троцкистского охвоста в 1937 г., ВАВИЛОВ не прекращает своей к/р деятельности в ВИР'е.

Антисоветские отношения ВАВИЛОВА к существующему строю очень ярко характеризуются.

«...Так, во время пребывания Н. И. ВАВИЛОВА в США, американский генетик МОРГАН, интересуясь советской системой, задал ВАВИЛОВУ ряд вопросов. В ответ на это, ВАВИЛОВ сообщил следующее:

«В России все ждут не дождутся того момента, когда восстановятся капиталистические порядки, когда произойдет смена власти...»

[...] ВАВИЛОВ характеризуется как авантюрист, ставящий свои личные интересы выше государственных интересов, создающий себе славу за счет трудов других. [...]

«...Основным двигающим лейтмотивом во всей деятельности и поступках ВАВИЛОВА лежат не интересы дела, ведение которого ему доверено, а сознательный авантюризм как принцип работы...»

Реакционность ВАВИЛОВА проявляется в его отношении к колхозно-советскому строю сельского хозяйства СССР, в отношении использования его (с/х) для проверки реализации достижений. [...]

«...На просьбу ШЛЫКОВА — поддержать работу в двух сельсоветах по новым культурам, путем ассигнований средств от президиума ВАСХНИЛ, ВАВИЛОВ заявил. «Какая это наука, которая опирается на колхозы и совхозы» и отказался подписать отношение в президиум ВАСХНИЛ.»

Обращает внимание происходящая борьба а/с группировки ВАВИЛОВА за сохранение анти-дарвинистических основ науки.

Эта к/р группировка дискредитирует работу советских ученых, группирует вокруг себя кадры а/с настроенных специалистов и ведет ничем не прикрытую борьбу с новым руководством академии с/х наук.

Идеолог а/с группировки ВАВИЛОВ на собрании актива Института, 2/IX-1938 г., в заключительном слове сказал:

«...Наши расхождения (имеется ввиду президент с/х академии ЛЫСЕНКО) капитальные расхождения, за которые мы будем биться до последней капли крови...»

Эта установка ВАВИЛОВА воспринята группировкой как директива и весьма активно проводится в жизнь.

Так, один из участников а/с группировки ВАВИЛОВА ПАНГАЛО, в целях дискредитации руководства академии, среди сотрудников ВИР'а заявляет:

«. Кто в СССР попадает в Академию Наук? Какие-то ЛЫСЕНКО. Кто такой ЛЫСЕНКО? Недочка, он даже иностранных языков не знает. И такой то ничтожный народ сажают в академики ..» И далее: «...Скоро слово «академик» станет словом почти ругательного порядка, ибо выбранные на последних выборах академики — одно недоразумение .»

Другой участник а/с группировки ЛУСС, являясь открытым противником ЛЫСЕНКО и МИЧУРИНА, до последнего времени ведущий борьбу против теории этих ученых, заявляет:

«...ЛЫСЕНКО ламаркист, антинаучный деятель...»

Участник а/с группировки ВАВИЛОВА— КОЖУХОВ И. В. заявляет: «...ЛЫСЕНКО и его школа — сплошная свистопляска и порнография. Методы ЛЫСЕНКО для меня совершенно неприемлемы. Многие солидные работники, даже и партийцы, не принимают методов ЛЫСЕНКО, но не говорят об этом, т. к. боятся лишиться партийного билета. Говорят так потому, что так надо...»

ВАВИЛОВ полностью отрицает теорию развития, выдвинутую ЛЫСЕНКО, и всеми средствами стремится изгнать ее из ВИР'а, даже если это связано с ущербом для государства.

В феврале м-це 1939 г. в Москве состоялась Сессия Президиума ВАСХНИЛ по каучуконосам. ВАВИЛОВ перед поездкой на сессию вызвал к себе прикрепленного к нему аспиранта МЕКБАЕВА, работающего по каучуконосам и предупредил, как надо делать доклад, особенно подчеркнул, что никого в докладе не надо задевать.

МЕКБАЕВ же, выступив с докладом, стал поддерживать ЛЫСЕНКО, чем ВАВИЛОВ был крайне недоволен.

В результате, составленный МЕКБАЕВЫМ план работ по каучуконосам, был ВАВИЛОВЫМ сорван. При утверждении плана «...ВАВИЛОВ запротестовал, зачеркнул ряд тем, намечавшихся к проведению на основе лысенковской теории развития, сказав, что в ВИР'е мы не должны заниматься переделкой природы растений, поезжайте в Одессу...»

Вопрос генетики среди а/с группировки приобрел ярко выраженный расовый оттенок.

Участница а/с группировки БАЗИЛЕВСКАЯ, стремившаяся в заграничную командировку, на запрос АЛЕКСАНДРОВА (арестован) о ее социальном происхождении, ответила: «...Происхождение у меня хорошее — я дворянка. С точки зрения современной генетики дворянское происхождение, конечно, отнюдь нельзя считать плохим — потому и дворянство, что носители его одарены богатой генетической основой, обеспечившей ему господствующее положение в обществе...»

Продвигая заведомо враждебные теории (закон гомологических рядов) боролся сам и давал установки бороться против теории и работ ЛЫСЕНКО, ЦИЦИНА и МИЧУРИНА, имеющих решающее значение для с/хозяйства СССР.

ВАВИЛОВ говорил: «...Никаких сомнений в полной (нашей) правоте у нас нет и ни одной пяди своих позиций мы не уступим. История за нас и история оценит нас. Ну, а борьба сейчас — это сражение Фауста с Валентином». «... Сам по себе ЛЫСЕНКО слаб, но за ЛЫСЕНКО стоит поддержка — руководство партии и правительства, которая и обеспечивает ему победу в борьбе с истиной в науке...». «...Мы были, есть и будем «анти», — добавил ВАВИЛОВ с большим жаром, «на костер пойдем за наши взгляды и никому наших позиций не уступим... Нельзя уступить позицию. Нужно бороться до конца».

НАЧАЛЬНИК ЗЭКОУ НКВД Л/О Капитан Госбезопасности Захаров.

НАЧАЛЬНИК 4 ОТДЕЛЕНИЯ Мл. лейтенант Госбезопасности Н. Макеев

Эти документы в книгах дают представление о творящихся безумиях и последних годах жизни Николая Ивановича Вавилова. Впечатляют доносы, данные и сообщения НКВД.

Допрошенный в качестве свидетеля работник отдела Новых культур всесоюзного института растениеводства ШЛЫКОВ Г.Н. показал:

«В Институте растениеводства действует в течение многих лет вредительская организация. ВИР практически импотентен, пассивен в разрешении актуальных запросов нашего сельского хозяйства и опирается в своей работе на чуждую нам методологию».

«О том, как проходила в Ин-те вредительская работа, т. е. как она направлялась, проникала все его толщи, захватывала почти всех его сотрудников, не трудно догадаться всякому, разбирающемуся хоть немного в теориях ВАВИЛОВА. Поэтому я так много и работал по разоблачению этих теорий, по их дисквалификации, что они являются программой, легально утверждаемой высшими инстанциями. Не случайно ин-т присвоил себе право методологического центра. Здесь, действительно, своя особая, враждебная материализму, определенно вредная практика селекции, практика сортосмены, сортовой апробации. Эта теория (методология) направляла внимание научных работников мимо сортов, мимо понимания их как факторов производительности, заставляла убивать время и силы, и средства на познание чего угодно, только не сортовой, т. е. производительной природы растений. ВАВИЛОВ говорил «познайте диапазон изменчивости признаков, а сорта — это простенькое дело, достойное кого угодно, только не научных работников». И те, которые думали апробировать мировые коллекции по фактору производительности системой, консультацией одного человека — разлагались, отрывались от служения запросам практики земледелия.

Работник Пушкинского отделения ВИР'а МОШКОВ рассказывал, что ВАВИЛОВ давал ему директиву бороться с ЛЫСЕНКО в своих произведениях и приводил в пример собственные успехи борьбы с концепцией ДАРВИНА». (Показ. ШЛЫКОВА Г. Н. от 13.VII-37 г.)

Шлыков не останавливается и пишет донос в НКВД. Из начальных строк становится известным, что свой Отчёт Отдела новых культур ВИР за 1937 г. он послал не только в ЦК партии, но и наркому земледелия Р.И. Эйхе, теперь же он посылает его в НКВД, но придает сопровождающему отчёту письмо иную окраску.

К этому времени уже были арестованы заместитель наркома земледелия СССР А.И. Гайстер, а затем нарком земледелия М.А. Чернов, заведующий сельхозотделом ЦК ВКП(б) Я.А. Яковлев и заведующий отделом науки, научно-технических изобретений и открытий ЦК ВКП(б) К.Я. Бауман, а также Президент ВАСХНИЛ А.И. Муралов. Поэтому Шлыков ставит задачу: показать, что и Н.И. Вавилов такой же враг и вредитель, как схваченные руководители, и что он состоял с ними в прямой связи:

«НКВД, тов. МАЛИНИНУ

Посылаю при этом копию моего письма к тов. Эйхе, которое является препроводилкой к годовому отчёту Отдела Новых Культур.

Этот отчёт я уже послал Вам, обратив особенно внимание на введение и заключение. Хотя я уверен, что тов. Эйхе даст ему надлежащий ход, но все же решил послать его и Вам и вот почему.

Пока ещё не уничтожены бандиты – Чернов, Яковлев и Бауман, надо выяснить, что делали они в плоскости вредительства по организации сельскохозяйственной науки, опытных станций, постановки испытания и выведения новых сортов. Я всё больше убеждаюсь, что тут могло быть разделение труда с Вавиловым как с фактическим главой научно-исследовательского дела в стране в области растениеводства за всё время после Октябрьской революции. Не являлось ли внешне отрицательное отношение к нему, а некоторое время и к их марионетке Муратову А.И. прикрытием подлинного отношения как к сообщникам, – подлости и хитрости этих людей, как доказывает процесс, нет предела.

Просто трудно представить, чтобы реставраторы капитализма прошли мимо такой фигуры, как Вавилов, авторитетной в широких кругах агрономии, в особенности старой. Не допускаю мысли, что он, как человек хорошо известных им правых убеждений, выходец из среды миллионеров, не был приобщён к их общей организации. Он хорошо известен, как сужу по произведениям Бухарина, и «правым».

Не является ли в связи с этим и шумиха, поднятая иностранной прессой в конце 1936 г. вокруг Вавилова, в связи с «гонениями» на него, затем печатание подложных некрологов по его адресу, провокацией, затеянной и организованной ими же самими с его ведома? Ведь это не случайно, что материал, освещающий положение в Институте Растениеводства, который отчасти, в копиях находится у Вас, и который направлялся этим людям как представителям

партии и Правительства, не имел положительных последствий. Мало сомнений и в том, что они могли сигнализировать Вавилову об этом материале.

В частности, кому в Президиуме ВАСХНИЛ потребовалось при издании книги «Спорные вопросы генетики и селекции» 1937 г. изъять из стенограммы моего доклада на 4 сессии Академии то место, где я докладывал о фашистском содержании концепции Вавилова. Получив почту из Академии для окончательной проверки текста доклада для напечатания, обнаружив изъятия самого существенного содержания, я письменно же, возвращая проверенный текст, протестовал против этого, но бесполезно. Значит, делаю вывод: эти люди (сборник печатался после того как все статьи читали Муралов, Бауман, Яковлев) не были заинтересованы в подлинном разоблачении теорий Вавилова и его самого. Случай этот не пустяковый: я знаю хорошо, что стенограмма моего доклада была затребована срочно в тот же день в ЦК через одного из помощников Яковлева (не помню – фамилия грузинская), который оказался тоже врагом народа, по его словам, для Баумана и Яковлева. Не симптоматично ли и то, что по поводу моего выступления со мной никто не счёл необходимым переговорить, выяснить обстоятельства, приведшие меня к столь категорическим выводам относительно Вавилова и Ин-та Растениеводства. В этом докладе с фактами в руках я действительно разоблачал пустозвонство и вред теории и практики Вавилова.

Поэтому я и обращаюсь через Вас ко всей Вашей системе – принять меры к вскрытию обстоятельств, изложенных выше. А узнать досконально о вредительстве в деле организации сельскохозяйственной науки означает то же, что ускоренно освободиться от последствий вредительства. В допросе Чернова не выяснена его практическая вредительская линия в отношении сельскохозяйственной науки. И это я считаю пробелом. На разоблачении этого рода вредительской деятельности мы могли бы, кроме того, ускорить процесс объединения в системе Академии ВАСХНИЛ подлинно советских ученых.

7/3 38 Г.Шлыков».

Тон и стиль этого письма вызывает у нормального человека отвращение. Злоба и тяга к клевете поразительны. Понимая, что все, оказавшиеся в недрах НКВД, уже не вырвутся за пределы этого зловещего ведомства, что под страхом смерти никто не проговорится, Шлыков пишет особым языком, выводит чудовищные следствия из ерундовых фактов. Это, чудом сохранившееся, свидетельство эпохи партийных репрессий, конечно, не единственное, не уникальное, и не выбивается из ряда других (тысяч, десятков тысяч, миллионов?) таких же доносов. Но оно показывает нам лучше всего моральную деградацию, обусловленную царившими тогда порядками, глубину падения людей, рвавшихся к власти, научным званиям и степеням.

Письмо не возымело пока немедленного действия. Вавилова не арестовали и не сняли тогда с поста директора. Но, конечно, шунденки и шлыковы на этом не успокоились, не прекратили злобствовать и клеветать. Так же не уняли своего

пыла презенты, якушкины и им подобные и умело манипулирующий ими Т. Лысенко.

Анализ документов, доносов на Н.И. Вавилова показывает, что как человек он испытывает поражения, и время, в котором ему было суждено жить, безжалостно уничтожает все его устремления, унижая его морально, убивая его физически, сужая круг его единомышленников. В этом неравном поединке со временем и государством на стороне Н.И. Вавилова лишь его человеческое достоинство, его убеждение и его совесть. Н.И. Вавилов не герой и не борец за справедливость, для кого состояние противоборства – природный и единственно возможный путь жизни. Н.И. Вавилов – ученый, он хотел бы просто спокойно, последовательно делать свое единственное и любимое дело, такое нужное для государства. Как свидетельствует наша история, за подобные жизненные принципы, за такую позицию часто приходилось платить головой. Власть в России иррациональна, она уничтожает тех, кто приносит ей государственную пользу и стабилизирует государство как таковое.

Парадоксально, но факт: во время советского тоталитаризма настоящими героями науки, выдержавшими проверку временем и историей, были братья Вавиловы, – два президента, два академика, два внука крепостных. Они до последнего пытались принести государству пользу, приспособиться к существованию в условиях репрессивного режима ради сохранения дела своей жизни. Но власть их уничтожила...

Фатальной для Н.И. Вавилова – ученого стала его верность научной истине. Николай Иванович отмечал, что ощутимые практические результаты для сельского хозяйства генетика сможет дать лишь через полвека (что действительно подтвердилось). Он органически не мог обманывать... Его антагонист, политик и псевдоученый Т.Д. Лысенко, напротив, обещал повысить урожайность и улучшить поголовье скота чуть ли не через год. Во времена затянувшегося продовольственного кризиса в СССР именно такие идеи оказались

востребованными властью, руководимой сначала И. Сталиным, потом Н.Хрущевым. Ту власть, как и последующую, не интересовала откровенная антинаучность лысенковцев. Н.И. Вавилова сталинский режим провозгласил антигосударственником, затравил нападками в печати и, в конце концов, уничтожил, а его гениальные открытия не имели в стране продолжения. Но Н.И. Вавилов не поступился своими принципами, не признался в том, чего хотели от него следователи. В конечном итоге он выиграл (редкий случай) своё противостояние со следователями и государством. Как следователи ни старались, они не смогли выбить из Н.И. Вавилова признание в предательстве, шпионаже...

Н.И. Вавилов выиграл время... После избрания Н.И. Вавилова в Королевское общество в Англии системе пришлось заменить расстрел на 20-и летнее заключение в исправительно-трудовом лагере. Но государство не остановилось и использовало другие пути убийства...

История страны не проходит бесследно, она остается в душах, в культурной памяти, анализ её помогает понять глубинный смысл происходившего, она даёт ориентиры для прогнозов о том, что может ожидать нас в будущем. Это особенно важно, когда речь идёт об исторических событиях переломного характера, круто меняющих весь сложившийся жизненный уклад, знаменующих переход общества к качественно новой эпохе. Без такого понимания движение вперед невозможно...

Для Советского Союза отставание в аграрных преобразованиях и обусловленное им отсутствие роста производства продуктов питания и сельскохозяйственного сырья имели столь трагические социальные и экономические последствия, что в конечном итоге привели к его развалу. Сегодняшние проблемы в снабжении населения страны продовольствием своими корнями уходят в те далекие 30-е гг. XX века, когда в ходе антикрестьянской войны была ликвидирована крупная социальная группа землевладельцев-крестьян. Уничтожены были не только земледельческие хозяйства и генофонд их хозяев, но и накопленный за многие столетия исторический опыт, навыки крестьянского

труда, разрушен веками формировавшийся уклад крестьянской жизни. За все прошедшие 70 лет не было ни единого более или менее длительного периода в истории страны, когда можно было бы сказать, что народ накормлен. Коллективизация была наиболее кровавой и тяжелой драмой крестьянина-землеладельца. Её продолжение относится к послевоенным годам. Уничтожались мелкие крестьянские артели, в которых ещё сохранялись кое-какие крестьянские традиции. Десятками объединялись они в огромные нищие и бесперспективные хозяйства. Неразумно сводились в единый клин их земли. Крестьянин ещё дальше был отодвинут от владения землей. Насильственное прикрепление его к колхозу стало единственным инструментом закрепления сельского населения в деревне. Крестьянин окончательно превратился в крепостнически привязанного к колхозу "приписного работника".

Во время расцвета научной деятельности Н.И. Вавилова (30-ые годы XX ст.) политические процессы в стране заостряются до трагических катаклизмов. Становится понятно, что те представители научного сообщества (в том числе и Н.И. Вавилов), которые связывали с новым строем надежды на поддержку новаторских идей или, по крайней мере, надеялись на неприкосновенность науки и сохранение традиционного уважения к ученым, глубоко ошиблись. Вместо этого обнаружилось четкое стремление к подчинению науки интересам отдельных социальных групп (в основном – диктатуре пролетариата, в особо извращенной форме), необходимость учета разнообразных социально-политических рисков научных инноваций, что привело к увеличению многочисленных форм социального контроля над исследовательской деятельностью (что, кстати, и в настоящее время является очевидным атрибутом современной цивилизации).

То, что происходило в следующие десятилетия, имело фатальные последствия для советской науки. Использование научного потенциала с целью укрепления политической системы, в шкале ценностно-этических приоритетов государственной политики в СССР заняло главное место. Все это привело к

развитию деструктивных процессов в ряде научных дисциплин [12]. Подготовка следующих поколений (без чего невозможен прогресс в науке), сохранение и приумножение потенциала знаний и традиций отечественной образовательной школы были разрушены. «Прервалась связь времен...» Для будущего важно представлять механизмы формирования кризиса в развитии фундаментальных и прикладных наук, возникающие в связи социальными и культурными проблемами. Можно отметить психологию тогдашней власти – личностей с недостаточной профессиональной подготовкой, которые, подчинив преподавательскую и научную деятельность, начали воспроизводить себе подобных, поощрять неспециалистов в том, чтоб они смелее брались за любое дело. Продуктом такой извращенной системы «ковки» научных кадров был, в частности, Т. Лысенко.

Анализ документов, доносов на Н. И. Вавилова показывает: лысенковщина — не только творение отдельных лжеученых, а социальное явление, глубоко укоренившееся в общественном сознании, продолжающее еще и сегодня давать свои горькие результаты. Тот исторический период, в котором было суждено жить и погибнуть Н.И. Вавилону, стал судьбоносным для отечественной истории, отсюда — узел проблем, что продолжают определять жизнь нашей страны сегодня и без решения которых невозможно движение вперед.

Новые исследования, посвященные судьбе Н.И. Вавилова, позволяют более полно подойти к представлениям об исторических корнях современных проблем науки на пространстве бывшего СССР [12–16]. Несмотря на ряд работ отечественных исследователей, затрагивающих те или иные проблемы истории науки, наблюдается несомненная нехватка обобщающих, документально обоснованных трудов, которые, во-первых, рассматривали бы историю науки в широком контексте общеисторических, историко-социальных, культурных и нравственных проблем, формулируя теоретические принципы их изучения. Во-

вторых – необходима связывающая конкретика по истории науки различных периодов.

В 1955 г. все обвинения, выдвинутые против Н.И. Вавилова, были сняты как абсолютно беспочвенные и его доброе имя полностью восстановлено. С 1957 г. Академией наук СССР начата публикация его трудов. При Отделении общей биологии АН СССР, теперь России, создана постоянная комиссия по сохранению и разработке его научного наследия. Президиумом Академии наук учреждена премия им. Н.И. Вавилова, присуждаемая раз в три года за выдающиеся исследования в области генетики, селекции и растениеводства, а РАСХН такие работы отмечает медалью его имени. Всероссийскому институту растениеводства, Всероссийскому обществу генетиков и селекционеров, Институту общей генетики РАН, а также Саратовскому сельскохозяйственному институту присвоено имя Н.И. Вавилова. Одна из гор в Антарктиде носит его имя, его именем названы улицы многих городов. В 1970 г., на средства сына Юрия Николаевича и научной общественности, в Саратове, на месте предполагаемого погребения Н. И. Вавилова, установлен памятник.

Что же это было? Как ни странно, это был пример научного киллерства. В истории науки не такое уж редкое явление. Суть его заключается в подключении к научным дискуссиям в качестве арбитра властных структур, будь то религиозные или государственные органы. Как только такие органы берут на себя право решать, какая наука нужна или не нужна (религии, государству), обязательно находится сторона, которая их использует для преодоления точки зрения оппонента. Понятно, что такой метод применяет наиболее слабая в научной аргументации сторона, которая не в состоянии обосновать свою позицию другим путем, традиционным для научной дискуссии. Само обращение не к эксперименту, фактам, анализу данных и концепций, а к вышестоящим организациям, чтобы разобрались и помогли, и есть наиболее объективное доказательство научной несостоятельности. Выход за рамки профессионального

сообщества в целях решения возникших внутри него проблем прямо свидетельствует о профессиональной некомпетентности. В таком случае не имеет смысла рассматривать аргументацию и научные заслуги выходящего. Он мог сохранять компетенцию в определенном круге вопросов, а когда не смог – использовал и этот вариант. А властные структуры, в зависимости от монополизации власти, интеллектуального уровня и чувства ответственности за последствия либо вовлеклись в этот процесс, либо дистанцировались. В случае Н.И.Вавилова – вовлеклись.

Судьба Н.И.Вавилова мучила его брата, Сергея Ивановича. В конце 1949 г. или в начале 1950 года Сергей Иванович говорил об этом с академиком М.А. Леонтовичем (цитируется по [12]). Сергей Иванович интересовался историей науки, его интересовала, в частности, судьба Антуана Лорана Лавуазье, великого химика, обезглавленного во время Французской революции. Вокруг этой казни было немало споров. С.И. Вавилов выяснил факты, по-новому освещающие трагическую смерть основателя современной химии. Об этом он и рассказал М.А. Леонтовичу. В годы, предшествовавшие революции, Лавуазье — директор Французской академии – несколько раз получал на отзыв труды по химии, подписанные неизвестным ему именем врача Жана-Поля Марата. Труды были, по словам Сергея Ивановича, «патологические» и никакой научной ценности не представляли. Со всей присущей ему прямотой Лавуазье извещал Марата о своих оценках. Но вот грянули события 1789 года. Малоизвестный врач и неудачливый химик стал одним из нетерпимых и жестоких вождей революции. Тут-то и вспомнил он о давних обидах, нанесенных ему Лавуазье. Вспомнил и, пользуясь своим положением в Конвенте, потребовал казни для Лавуазье, откупщика и врага народа. Великий химик был схвачен и гильотинирован. Рассказывая академику Леонтовичу о своих изысканиях, Сергей Вавилов говорил, что в судьбе брата Николая видит известную аналогию событиям, разыгравшимся в конце XVIII столетия.

Для возрождения многих прогрессивных направлений и биографий, ошельмованных в борьбе с генетикой, требуется немало времени. Это, очевидно, обусловлено не только инерцией. Слишком много людей создали свою карьеру и обеспечили себе положение в науке преследованиями своих оппонентов, слишком много людей изменили свои убеждения под влиянием принуждения. Членов партии ставили перед альтернативой заявить об отказе от менделизма-морганизма или выйти из рядов партии. След таких катаклизмов не исчезает в одном поколении.

Несмотря на специальное замалчивание и искажение его дел и его личности, Н.И. Вавилов сохранился — в учениках и коллегах, в архиве семьи, в архиве ВИРа, в многочисленных газетных, журнальных, книжных публикациях 20–30-х годов XX в., в черновиках и набросках, попавших в разные руки и любовно сбереженных. В многогранной деятельности Н.И. Вавилова было и удивительное единство, обусловленное поставленной им задачей: добиться планомерного рационального использования растительных ресурсов земного шара. Его научное наследие отражает работу ученого в нескольких направлениях: теоретическом, организационном, административном, экспедиционном... Для Вавилова был характерен принцип организации и руководства наукой, исключая приказной режим, о чем свидетельствует всё, что он говорил по этому поводу. Поразительная черта его научных трудов — глобальность подхода к проблеме органической эволюции, получившая признание лишь много лет спустя. А практическая реализация такого подхода осуществлялась Николаем Ивановичем три четверти столетия назад, при отсутствии транспортных средств и связи, во многих регионах Земли, что потребовало от ученого самоотверженного личного участия в изучении 50 стран.

Считают, что главное в деятельности Вавилова-биолога — поиск. Изучение же найденного интересовало его, мол, меньше, так же как и практическое применение его идей, выведение ценных высокоурожайных и

высококачественных сортов. С этим согласиться нельзя. Все найденное Вавилов сам изучал на полях и в теплицах, лично и с помощью сотрудников в отделах и лабораториях институтов, которыми руководил. С привлечением изученных образцов созданной Вавиловым коллекции было выведено более 1000 сортов, из которых более двухсот районированы. Более 50 миллионов гектаров занимают сорта, в создание которых так или иначе вложена частица труда Вавилова, «вавилонские сорта». С каждого гектара получается прибавка от 1 до 8 центнеров, что выливается в 4–5 миллионов тонн дополнительной продукции. До конца Н.И. Вавилов продолжал настаивать на том, что практическое растениеводство должно покоиться на основательном и постоянно укрепляющемся теоретическом фундаменте.

Академик Борис Львович Астауров, крупнейший специалист по генетике животных и искусственной регуляции пола, бывший до конца своей жизни (до 1974 года) директором Института биологии развития Академии наук СССР, часто ссылался на Вавилова как на своего учителя. Когда Астаурова спросили, что дали идеи Н.И. Вавилова его работам, в частности работам по регуляции пола у животных и созданию общих принципов, он ответил: «Дарвиновская теория естественного отбора озарила ярким светом громады уже накопленных знаний об органическом макромире. Классические исследования Менделя, напротив, лишь приподняли завесу над совсем еще не изведанной областью микромира организмов. Эти исследования задали задачу, возбудили вопросы, на которые предстояло отвечать в течение всего прошедшего с тех пор столетия и на которые мы продолжаем отвечать еще и теперь. Николай Иванович Вавилов дал много ценных ответов как раз на вопросы органического микромира. Если до Вавилова генетика развивалась, исключая из своих познавательных средств теорию эволюции, исторический метод, то теперь, в значительной степени благодаря исследованиям Николая Ивановича, мы получили эволюционную генетику. Или, по крайней мере, ее зачатки. Вавилов объединил экспериментальное направление

в генетике с традиционным направлением классической биологии: систематикой, сравнительной морфологией, теорией эволюции, историческим методом».

В XXI века мы снова и снова воздаем должное Николаю Ивановичу Вавилову и его соратникам, собравшим и сохранившим в годы испытаний крупнейшую в мире коллекцию культурных растений и их дикорастущих сородичей. Сегодня только дикорастущие виды и близкие к ним культурные варианты способны противостоять болезням и вредным насекомым. Эта мысль, впервые высказанная Н.И. Вавиловым более семидесяти лет назад, обязывает продолжать сбор оставшихся видов и местных сортов, беречь существующие генофонды дикорастущих и примитивных видов для будущей генетики и селекции сельскохозяйственных культур. Подобные коллекции теперь называют генными банками. Крупнейшими генными банками признаны прежде всего мировая коллекция Всероссийского института растениеводства имени Н.И. Вавилова (ВИР) в Ленинграде, насчитывающая теперь свыше 360 тысяч образцов, а также коллекция при департаменте сельского хозяйства в Белствилле (США) [13].

С 60-х годов прошлого века в Турции действует центр по изучению и сбору растительных генетических ресурсов, где имеется коллекция мягкой пшеницы. В эти же годы Европейская научная ассоциация по селекции растений (ЕУКАРПИЯ), в которую входят и российские ученые, приняла решение о создании в Европе региональных генных банков: Средиземноморского – в Италии – для твердой пшеницы, Центрально-Европейского – ФРГ для ржи и картофеля и Скандинавского – в Швеции – для кормовых трав. В Международном институте по изучению риса на Филиппинах собрана коллекция, насчитывающая 16 тысяч образцов семян [13].

В 1974 г. был образован Международный Совет по генофонду растений (International Board for Plant Genetic Resources-IBPGR), поддерживаемый FAO, Международным банком и программой развития при ООН (UNDP) – известный сейчас как Международный институт генетических ресурсов растений, МИГРР

(International Plant Genetic Resources Institute, IPGRI), который собрал воедино глобальную сеть банков генов. Цель этого Совета – создавать и координировать международное сотрудничество по сохранению генофондов, и организовывать финансовую поддержку такого рода программ. В этой связи IBPGR координирует работу по сбору, сохранению, документированию, оценке и использованию генофонда. Сеть включает университетские программы по селекции, правительственные хранилища семян и Консультативную группу по международным сельскохозяйственным исследованиям, КГМСИ (Consultative Group on International Agricultural Research, CGIAR), всемирную сеть из 16 сельскохозяйственных центров [13].

Количество уникальных семенных образцов, или "поступлений" в банки генов сейчас превышает 6 млн. Крупнейшая доля этих поступлений – более 500 тыс. – идет в банки генов центров КГМСИ, такие как Международный исследовательский институт риса, МИИР (International Rice Research Institute) на Филиппинах и Международный центр по улучшению пшеницы и кукурузы, МЦУПиК (International Wheat and Maw Improvement Center, CIMMYT) в Мексике. По крайней мере, 90% всех поступлений в банки генов – это растения для производства продовольственных и потребительских товаров, которые подвергаются особенно интенсивной селекции и являются экономически ценными сельскохозяйственными культурами.

Это и есть – прямое продолжение жизни Николая Ивановича Вавилова, его дела, его экспедиций и мыслей.

К сожалению, мишенью научного киллерства всегда становятся настоящие ученые. Случайно выбравшие профессию умеют вовремя менять позицию. Но, к счастью, ко времени своей гибели, как бы не кощунственно это звучало, такие, как Н.И. Вавилов, успевают много сделать для всего человечества. Важно было бы понимать историю его трагической гибели, научиться распознавать сам этот феномен научного киллерства, и защищать – будущее.

... В августе 1940 г. Н.И. Вавилов был репрессирован. С началом войны, следователь Хват, ещё до суда, не имея на это право, отдает приказ об уничтожении всех рукописей книг, статей, записных книг с материалами всех экспедиций, как не имеющих ценности. Н.И. Вавилов 8 июля приговорен к расстрелу. На минутном суде, Н.И. Вавилов отказался от всех предъявленных обвинений... Н.И. Вавилов просил дать ему возможность работать на благо Родины. Но не был услышан...

Заложивший основы мировой «зеленой революции» и спасший СССР и мир от голода, Н.И. Вавилов умер в январе 1943 г. в саратовской тюрьме от голода, пыток и издевательств.

Как уже отмечалось выше, Всемирный банк оценил коллекцию, собранную Вавиловым, в 7 триллионов долларов. На ее основании в СССР создано более 500 новых сортов. Прибыль только одного знаменитого сорта Безостая 1, созданного на основании коллекции Н.И. Вавилова (использовался материал, привезенный Н.И. Вавиловым из экспедиции в США и Мексике), ежегодно составляла около 300 млн. рублей. На базе коллекции семян культурных растений, собранных Н.И. Вавиловым, до сих пор создаются новые сорта. Труд Н.И. Вавилова и его коллег – в каждом сорте.

Н.И. Вавилов похоронен в общей могиле для заключенных на Воскресенском кладбище Саратова. Точное место захоронения неизвестно....

P.S.

Я уверен, что наступит время, когда и у нас всем и каждому воздастся должное, но нельзя же между тем видеть равнодушно, как современники бесчестно прячут правду от потомства.

П. Я. Чаадаев. 1854

Список использованной литературы

1. Дарвин Ч. Происхождение видов путём естественного отбора / Ч. Дарвин. – Л. : Наука, 1991. – 539 с.
2. Тимирязев К. А. Жизнь растений / К. А. Тимирязев. – М. : ОАО «Типограф. «Новости» совместно с Издательством МСХА. – 2006. – 319 с.
3. Лобацкая Т. Е. У истоков генетики / Т. Е. Лобацкая. – М. : ООО «ИНФОКОР». – 2006. – 128 с.
4. Вавилов Н. И. Вильям Бэтсон. 1861–1926. Памяти учителя / Н. И. Вавилов // Труды по прикладной ботанике и селекции. – 1925 (1926). – Т. 15, вып. 5. – С. 499–512.
5. Тимирязев К. А. Очерки и статьи по истории науки / К. А. Тимирязев // Собрание сочинений. – М. : Сельхозгиз, 1939. – Т. 8. – С. 13–257.
6. Вавилов Н. И. Закон гомологических рядов в наследственной изменчивости / Н. И. Вавилов. – Л. : Наука, 1987. – 256 с.
7. Вавилов Н. И. Закон гомологических рядов в наследственной изменчивости / Н. И. Вавилов // Сельск. и лесн. хоз-во. – 1921. – № 1-3. – С. 84–99.
8. Филипченко Ю. А. О параллелизме в живой природе / Ю. А. Филипченко // Успехи эксперим. биологии. – 1924. – Т. 3, вып. 3-4. – С. 248.
9. Филипченко Ю. А. Изменчивость и методы ее изучения / Ю. А. Филипченко. – М. ; Л., 1929. – 202 с.
10. Кисловский Д. А. Избранные сочинения / Д. А. Кисловский. – М. : Колос, 1965. – 535 с.
11. Кропоткин П. А. Взаимная помощь как фактор эволюции : собр. соч. / П. А. Кропоткин. – СПб., 1906–1907. – Т. 1–7.
12. Сойфер В. Н. Власть и наука / В. Н. Сойфер. – М. : ЧеРО, 2002. – 1021 с.
13. Поповский М. Дело академика Вавилова / М. Поповский. – М. : Книга. – 1991. – 199 с.
14. Глазко, В. Н. И. Вавилов и его время. Хроника текущих событий / В. Глазко. – К. : РА NOVA. – 2005. – 448 с.
15. Суд палача. Николай Вавилов в застенках НКВД : биограф. очерк. Документы / сост. : Я. Г. Рокитянский, Ю. Н. Вавилов, В. А. Гончаров. – М. : Academia, 2000. – 552 с.
16. Вавилов Ю. Н. В долгом поиске (Книга о братьях Николае и Сергее Вавиловых) / Ю. Н. Вавилов. – М. : ФИАН, 2003. – 336 с.